

О.И. РЕВУЦКИЙ

МЕТАФОРА, СТАЛКИВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ И КАЛАМБУР (общность и различие)

Уточняется понятие тропа «сталкивание значений»; определяются его специфические черты и признаки, общие с метафорой и каламбуром.

The concept of the trope «knocking meanings together»; its specific features and signs of the trop which bring it closer to metaphor and pun are established.

Тенденция к возрастанию информативной плотности поэтического стиля привела к обновлению и обогащению его образно-тропеической системы, что, в свою очередь, явилось стимулом для дальнейшего развития теории тропа. Известно, что на определенных этапах своей эволюции учение об этом понятии развивалось в разных направлениях, что привело к расхождению мнений современных исследователей относительно количественного состава тропов, признаков, позволяющих разграничивать их отдельные разновидности, отличать от фигур, и к отсутствию четких оснований, представляющих инвентарь тропов в виде целостной системы. В результате одни и те же или одинаково оформленные средства тропеической образности квалифицируются исследователями как разные тропы. На необходимость пересмотра выделяемых в прежних риториках видов тропов и всей системы средств образно-тропеического выражения с позиций современной филологии указывали А.Г. Григорьев, Е.Л. Гинзбург и другие исследователи.

В эволюции учения о тропах прослеживаются две разнонаправленные тенденции. Одна из них - дробление инвентаря тропов и фигур, ведущее к вычленению все новых средств образности, другая - поиск в системе такого тропа, который мог бы воплощать в себе качества троповости в наиболее полном виде. Из этих двух тенденций в науке XX в. возобладала последняя, что выразилось в рассмотрении многих, едва ли не всех видов тропов как разновидностей метафоры (см. Лагута 2003). Однако в связи с тем, что метафоричность устойчиво ассоциируется с переносом по сходству, более правильным представляется искать не интегрирующий троп, а интегрирующий признак троповости.

Таким образом, основой упорядочения существующего инвентаря тропов как системы может стать выдвижение какого-либо одного признака на роль интегрального. Второй путь - это поиск интегрирующих начал между тропами, эмпирически воспринимаемыми как близкие. Так, например, Н.А. Кожевникова проводит сопоставление метафоры и сравнения (см. Кожевникова 1988), А. Вежбицкая исследует метафору в сопоставлении со сравнением и градацией (см. Вежбицкая 1990), а Д. Серль ставит вопрос о соотносимости метафоры с метонимией и синекдохой (см. Серль 1990).

В настоящей работе ставится задача установить общие и различительные признаки между метафорой, сталкиванием значений и каламбуром. Выбор объекта обусловлен тем, что эти тропы во многом воспринимаются как сходные, показателем чего является и их часто наблюдаемое смешивание. Это касается в первую очередь приема сталкивания, который нередко отождествляется с метафорой или включается в разряд каламбуров.

В своем исследовании мы исходим из широкого понимания тропа, т. е. не только как словосочетания, но и как тропеического комплекса, который может быть соотнесен с целым поэтическим текстом. Основанием для трактовки той или иной единицы языка как тропа считаем наличие в ней двух контрастирующих между собой планов значения: исходного и привносимого извне. Такое понимание соответствует лингвосомиотическому ракурсу рассмотрения тропа как суперзнака (см. Почепцов 2002, 126-127).

Термин «сталкивание значений» находим у В.П. Ковалева, четко отделяющего этот троп от метафоры. Суть приема автор видит в «столкновении разных значений полисемантических слов», которое, по его мнению, «может

осуществляются и как повторение многозначного слова, и как одновременная реализация двух значений; при этом в контексте иногда содержится лишь намек на другое значение: *Ввиду наступления темноты объявляю вечер открытым*» (Ковалев 1975, 19).

Еще раньше этот прием выделил Б.В. Томашевский, который, рассматривая глагол *заходить* в фрагменте из «Необычайного приключения...» В. Маяковского (*чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы*), причисляет его к тропам, трудно подводимым под известные типы. Отличие приведенного словоупотребления от метафоры ученый видит в том, что два значения глагола *заходить* у В. Маяковского являются омонимичными. При этом отмечается, что некоторые относимые к этой же группе примеры являются несомненными каламбурами (см. Томашевский 1959, 238). Какого-либо специального термина для обозначения рассматриваемого средства образности Б.В. Томашевский не предлагает, хотя и безоговорочно причисляет его к тропам.

Таким образом, оба исследователя отмечают близость приема сталкивания к каламбуру, однако рассматривают его как более широкое понятие, не ограниченное присущей каламбуру установкой на комизм. Ср.: «Каламбур - игра слов; намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания комического эффекта» (Ходакова 1979, 107).

С мнением о трактовке сталкивания значений как самостоятельного тропа можно вполне соглашаться, если принять во внимание наличие в языке поэзии таких примеров «сталкивания», которые не только не создают каких-либо комических эффектов, но и, напротив, служат для выражения высокого пафоса или даже трагизма. В этом легко убедиться, обратившись, например, к тексту стихотворения «Уходят матери» Е. Евтушенко или «Шум в сердце» Р. Рождественского. В первом стихотворении эффект троповости создается сближением двух ситуаций, а именно: ситуации ухода как перемещения, отдаления от постели спящего ребенка и ухода в смысле умирания. Текст Р. Рождественского строится на обыгрывании разных значений слова *шум*, общеизвестного (*шум тайги* и др.) и специального, медицинского (*шум в сердце*). При этом ситуация болезни сердца ставится в причинно-следственную зависимость от событий, которым сопутствует слово **шум** в неспециальных значениях.

Четче отграничить «сталкивание» от каламбура помогает рассмотрение данных тропов в аспекте текстообразования. В этом плане отмечается безусловная жанрово-текстовая маркированность каламбура, который реализуется преимущественно в текстах малых жанров: загадки, пословицы, небольшие стихотворения шуточного характера и т. п. Ср., например, у Я. Козловского: *У - бахчи сарай - / Не Бахчисарай!; Посадили в ушат лягушат / Штук не меньше, пожалуй, ста / - Ну-ка, набок скорее ляг, выпусти их, пожалуйста!; Взяв бритву, я добрею, / Сияю бра добрей, - Сейчас я вас добрею, - / Промолвил брадобрей...*

В отличие от «сталкивания значений» в более широком понимании каламбур в большей степени ориентирован на «самоценность» знаков: процессом порождения текста здесь «управляют» не события и факты реальной действительности, а факты языковые (полисемантичность одних и тех же средств знаковости). Каламбур - это «сталкивание ради сталкивания», предельное обнажение парадоксальности знакового полисемантизма, которое приводит к «подстраиванию» под этот прием выражаемого содержания. Если же прием одновременной реализации разных значений полисеманта не связан с доминированием знакового (сигнификативного) плана значения над содержательным (денотативным) и осуществляется в русле

общей для всех тропов тенденции к семантической двуплановости, то квалифицировать его как каламбур представляется неправомерным.

Обратимся теперь к вопросу о соотношении тропа «сталкивание значений» с метафорой, которая, как известно, в традиционном понимании представляет собой перенос наименования по сходству, т. е. является скрытым сравнением, например, *скал колючие соборы* (О. Мандельштам), *хор стекла* (Б. Ахмадулина), *иероглифы следов* (Р. Рождественский). В структуру метафоры включаются два базовых элемента: главный субъект (то, что сравнивается) и вспомогательный субъект (то, с чем сравнивается предмет, обозначенный словом в функции главного субъекта).

В приведенных примерах за вспомогательными субъектами (*соборы, хор, иероглифы*) угадываются скрытые главные субъекты (*остроконечные скалы, звенящее стекло, птичьи следы*), необычный для наблюдателя вид которых пробуждает воображение, приводящее к неявному уподоблению, которое кристаллизируется в метафорах. основополагающим моментом, стимулом для генерации метафоры является реальный мир: индивидуальное видение предметов окружающего мира и их связей ведет к метафоризации.

В отличие от метафоры троп «сталкивание значений» основывается не столько на особом видении предметов и, как следствие этого, переносе наименований, сколько на осознанности полисемантизма знаков, знании присущих им в системе языка лексико-семантических вариантов (ЛСВ), которые не обязательно связываются между собой отношениями сходства или вообще какой-либо семантической производности. Как уже отмечалось, это могут быть и значения омонимов.

Между ЛСВ иногда может обнаруживаться ассоциация по сходству, которая, однако, не меняет суть приема и является добавочной, второстепенной. Например: *да осенит вас Южный Крест, народы, будто праздник, добрые* (Р. Рождественский). Используемое в данном фрагменте астрономическое название созвездия образовано путем переноса по сходству, однако основа образности данного фрагмента - не в обыгрывании факта переноса, а в оживлении, «высвечивании» во втором значении первого, мотивирующего, которое «уживается» со вторым, чем создается яркий художественный образ. Смысл фрагмента заключается в следующем: Южный Крест должен стать для жителей тропиков их крестным знаменем. Эффект троповости возникает в результате контраста двух ЛСВ по признакам «малое - большое», «земное - небесное» с акцентом на второе и приданием изображаемому большей масштабности.

Таким образом, по своей тропеической сущности метафора и сталкивание значений не совпадают. Метафора предстает как окказиональная номинация, результат переноса на новый для этого знака объект, в то время как сталкивание - это «новое», необычное с точки зрения языкового узуса соединение в один образно-тропеический комплекс разных, присущих полисеманту значений. Именно поэтому «сталкивание» в большей степени является сигнификативным тропом, в то время как метафора - денотативным.

Важно обратить внимание и на то, что метафора, как правило, одноплавленна, т. е. разворачивается в направлении от сравниваемого к сравниваемому, поэтому и реконструкция метафоры в процессе ее интерпретации предполагает путь в обратном направлении. При сталкивании же разделение смысловых элементов на главный и неглавный, основной и зависимый отсутствует. Например: *Условье таково, - чтоб ехать по шоссе. И ехать по шоссе бесповоротно* (В. Высоцкий).

Представленный в данном фрагменте троп основывается на сталкивании двух значений полисеманта *бесповоротно*, общеизвестного 'обязательно, несомненно' и подсказываемого контекстом - 'прямо, без поворотов'. Квалифицировать какое-либо из них как опорное, базовое невозможно,

поскольку в данном контексте движения они выступают как не мотивированные друг другом и коммуникативно-равнозначные.

По сравнению с метафорой прием сталкивания отличается многообразием способов выражения. В его сферу могут вовлекаться многозначные слова, омонимы во всех присущих им разновидностях, паронимы и паронимасы. Большую роль в реализации данного тропа играют разного рода устойчивые словосочетания: фразеологические, терминологические и т. п. Таким образом, этот прием является в известной степени разноуровневым, охватывающим единицы лексики, синтаксиса и частично морфематики.

Характер взаимодействия разных значений полисемантов неодинаков. В полисемичном слове, как правило, взаимодействуют два значения, одно из которых часто оказывается конкретным, а другое - отвлеченным, что можно наблюдать в фрагменте: *Иногда оказываются утками, / но ведь существует все равно / перевариваемое их желудками / Истины незримое зерно* (Л. Мартынов).

В современной русской поэзии часто обыгрываются разные значения существительных (*вершина, звезда, ток, напряжение, след, клетка, шум*), глаголов (*идти, входить, владеть, попадать, бить*), прилагательных (*белый, высокий, прочный, свободный, черный, белый*). В некоторых случаях неспециальные значения сталкиваются со специальными, свободные - с фразеологически связанными и т. д.

В рамках «сталкивания» правомерно рассматривать и ретимологизацию (намеренное приписывание слову чуждой ему внутренней формы), семантика которой вступает в контраст с его общеизвестным лексическим значением, например: *Прежде чем сказать о Варне, /я спрошу тебя сначала: океан воды отварной / ты когда-нибудь встречала?* (Р. Рождественский); *Кто не хочет есть и пить, / Тем изнанка. / Их начнет сама бранить / Самобранка* (В. Высоцкий).

Важным источником «сталкивания значений» является фразеологический фонд языка. Для этого используются фразеологизмы, имеющие в качестве омонимов конструкции нефразеологического характера. Вот некоторые примеры: *Как сбитый куст я по ветру волокся, / Питался при дороге, помня зло, но и добро. / Я хорошо усвоил чувство локтя, / Который мне совали под ребро* (В. Высоцкий); *Сегодня всюду жулики ликуют. / Красть стало проще, чем сходить на танцы. А главное, смотреть на все сквозь пальцы - / Те самые, которые воруют* (Э. Асадов); *Хвастал гном, что по колению море, - / А наутро / в луже / утонул* (С. Островой).

В качестве полисеманта, реализующего разные значения, может выступать и один, общий для фразеологизма и его нефразеологического омонима словесный элемент, например: *...чтоб видели вы наяву, /Как, резко треснув на прощанье, нарушится печать молчанья. -/Простой сургуз по существу* (Л. Мартынов).

Известны и такие примеры, когда сталкиваются ЛСВ элемента, являющегося базовым для двух фразеологизмов: *К позорному столбу я пригвожден, / К барьеру вызван я - языковому* (В. Высоцкий).

Сталкивание значений может реализоваться как без изменения формы знаков, так и с их переконструированием. Это относится и к словам, и к устойчивым словосочетаниям. Например, прием ложной этимологизации может сопровождаться созданием словообразовательного окказионализма. Ср. у В. Высоцкого: *Названье крохей от слова «кроши», / От слова «кряхти» и «крути» и «круши». /Девиз в этих матчах: «Круши - не жалей!» /Даешь королевский «крохей». Под окказионализмом крохей в данном фрагменте легко угадывается название игры - хоккей, которое подвергается неоднократной ретимологизации. Для усиления ассоциаций с мнимыми производящими словами*

автор реконструирует форму мнимого производного слова, включая в его состав близкий к «производящим» словам корень.

Одним из видов реализации приема на морфемно-словообразовательном уровне является построение окказионализмов путем контаминации двух общеизвестных слов, например: *Мой папа был папапугай какаду, /тогда еще не говорящий* (В. Высоцкий).

Часто наблюдается также переконструирование фразеологизмов как один из способов «оживления» семантики соотносимых с ними по форме нефразеологических единиц. Оно часто бывает связано и с расширением состава фразеологизма, например: *Сколь веревочка ни вейся - / Все равно совьешься в кнут; Поэты ходят пятками по лезвию ножа...* (В. Высоцкий).

Один из приемов заключается в замене одних компонентов другими или в создании новых фразеологизмов по образцу имеющихся, например: *В мою Белую книгу внесены вымирающие / породы, / безрассудства черты, / что уходят навек, но сначала на годы* (А. Вознесенский); *Скажи мне, кто твои враги, - скажу тебе, кто ты!* (Э. Балашов); *Вогнутый выпуклого не поймет. / Сытый голодного не оценит* (Б. Слуцкий); *Съели солнечные волки зайцев солнечных* (Р. Рождественский). Реже вариации формы фразеологизма связываются с изменением морфемного состава одного из словесных элементов: *Неужели станет планетой Землей / этот / горестный / антикультурный слой?* (Р. Рождественский).

Таким образом, по сравнению с метафорой столкновение значений затрагивает разные уровни языка и имеет специфичный набор языковых реализаций. Вместе с тем этот троп не является резко отграниченным от метафоры, о чем свидетельствуют примеры, когда механизмы метафоры и столкновения «работают» совместно. Например, в ряд сталкивающихся узальных ЛСВ полисеманта может вклиниваться окказиональный смысл, созданный на основе метафорического переноса. Так, смысловыми центрами стихотворения являются такие значения этого слова, как 'небесное тело', 'знак на погонах', 'награда, орден', а кроме этого - и окказиональный смысл 'пуля или осколок' (*Но с неба свалилась шальная звезда / Прямо под сердце*).

Подобного рода синкретизм может носить и более сложный характер, например: *И ловлю / Правду всеми клетками / Мозга, да, пожалуй, и грудной. / Там, где сердце* (Л. Мартынов). На первый взгляд здесь только одновременная реализация двух специальных значений, связанных со сферами биологии и физиологии. Однако при более глубоком рассмотрении обнаруживается и скрытая метафора: обоим значениям приписывается функция клетки как западни.

В стихотворении Я. Смелякова «Командармы гражданской войны» есть такие строки: *В петлицах шпалы боевые /за легендарные дела. / По этим шпалам вся Россия, /как поезд, медленно прошла.* В данном тексте усматривается реализация обоих значений полисеманта *шпалы*, при этом возникает как бы обратная мотивировка: первым названо производное значение слова *шпалы* ('знаки воинского отличия'), а вторым - прямое. Однако образная суть одновременной реализации значений полисеманта заключается не в этом, а в его использовании как своего рода «скрепы», инструмента для соединения в одно образное целое разных смыслов. Пониманию образа в данном тексте может способствовать следующая интерпретационная схема: а) Россия движется к лучшему будущему, подобно поезду; б) командармы способствуют прогрессу, движению страны вперед; в) командармы носят знаки воинского отличия, по форме подобные шпалам; г) Россия движется в будущее, подобно поезду, как бы по шпалам главкомов. Семантическим «мостом» для соединения всех трех смыслов в один образ служит здесь функция шпал - способность быть «опорами», нести на себе составы.

Соотносимость столкновения значений и художественной метафоры проявляется и в том, что данные тропы вписываются в распространенные,

имеющие архетипический характер тропеические модели «конкретное - отвлеченное», «физическое - интеллектуальное», «материальное - духовное» и т. п. Показательно также и то, что в реализации обоих приемов нередко участвуют одни и те же лексемы, как, например, *жар, огонь, звезда, светило, печать, след* и т. д.

Важно подчеркнуть, что оба тропа способны выступать в функции текстообразования. В таких случаях троповость распространяется на группы слов, приобретающих в тексте статус ключевых. Однако характер развертываемости данных тропов в поэтическом тексте неодинаков. Так, развертывание метафоры часто осуществляется по образцам, которые детерминируются характерными для главного и вспомогательного субъекта наборами актантов. Например, метафорическая серия в стихотворении Л. Татьяничевой «Гончары» соответствует общей для сравниваемого и сравнивающего актантной схеме, куда входят обозначения глагольного действия, деятеля, материала, изделия. Это привело к пословному уподоблению понятий «я (поэт) - гончар», «творю - леплю из глины», «сказки и былины - кувшин, кружка, хлебница» и т. д. В отличие от метафоры расширение приема сталкивания подчинено закономерностям иного характера. Его главный «двигатель» - это аттракция любых соотносимых с определенной темой полисемантических элементов, способных реализовать разные значения. Условием «разрастания» серий таких элементов может стать наличие между ними любого типа языковых связей, однако главную роль играет их способность выразить единую, присущую всему тексту тему. Так, в стихотворении Р. Рождественского «Часы», представляющем собой размышления о неотвратимости хода времени, концентрируется все полисемичное, что имеет отношение к часам и времени. Это прежде всего устойчивые сочетания *бьют часы, идут часы, наступит час* и т. п. Помимо своих исходных значений, они реализуют те, которые присущи их омонимам: *идут часы, стучат ко мне в окно; наступит час на сердце и на горло; почувствуешь: наотмашь бьют часы*.

Таким образом, сталкивание значений и метафора представляют собой хотя и тесно связанные, но вполне самостоятельные тропы. Если метафора - это новый знак, расширяющий денотатную структуру слова, то сталкивание - это прием скорее знаковый, сигнификативный. Тропом, первичным с точки зрения языкового генезиса, вероятно, является метафора, а вторичным - сталкивание, так как основой создания образа в этом случае выступает уже закрепившийся в языке полисемантизм.

Наиболее близким к сталкиванию значений является троп «каламбур», основания отграничения которого от метафоры в целом те же самые, что и у сталкивания в широком смысле этого слова. Этот троп можно рассматривать как разновидность сталкивания ЛСВ, которая выражается в преобладании установки на «игру» посредством манипулирования языковыми знаками и подчинении этой установке выражаемого содержания.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежбицкая А. Сравнение - градация - метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 133-154.
- Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы: Автореф. дис... филол. наук. Киев, 1975.
- Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте// Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 145-165.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: В 2 ч. Новосибирск, 2003. Ч. 1.
- Почепцов Г.Г. Семиотика. М.; Киев, 2002.
- Серль Д. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 133-154.
- Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
- Ходакова Е.П. Каламбур // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Поступила в редакцию 12.06.07.

Олег Игоревич Ревуцкий - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МозГПУ им. И. Шамякина.